

РАГОНИЯ АНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Павловна Соболева

Агония Хана

Серия «Монгольское золото», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66620746

SelfPub; 2021

Аннотация

Воспоминания вернулись и сожгли меня в пепел. Но они ничего не значат, в его сердце мне нет места... Там только боль, пустота и безумие, и в этом безумии Хан готов утопить весь мир. Агония Хана страшнее смерти... он разлагается живьем, а я ничем не могу ему помочь. Потому что меня по-прежнему для него нет и он не позволяет мне быть. Для него Ангаахай умерла и он готов похоронить вместе с ней всех, кто его любит.

В конце истории ХЭ.

Заключительная часть серии.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	41
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ульяна Соболева

Агония Хана

Глава 1

Они возвращались настолько болезненно, что каждый раз, когда перед глазами всплывала новая картинка и моя память пополнялась кусками из прошлого, я падала на колени и видела, как капает моя кровь на каменный пол, как взрывается мой мозг фейерверками боли, и они обрушиваются на меня лавиной. Один за одним, оглушая, заполняя белые и черные пятна слишком яркими и ослепительными кадрами из моего прошлого...и осознанием – кто я. Осознанием и пониманием, в какой жуткой паутине я оказалась, на какое дно упала. Я вспомнила...но вместе с этим не приобрела, а потеряла. Все. До последнего осколка.

Но мне тогда еще не верилось. Мне казалось, что, если я помню, значит, теперь все изменится. Значит, все самое жуткое закончится. ОН узнает, и теперь все будет иначе. Только меня ждало горькое разочарование...Оказывается, за время моей жизни с Ханом я забыла, за какого жуткого зверя вышла замуж.

Я билась в запертую дверь комнаты, в которой меня заперли по приказу моего мужа, и кричала, чтобы меня выпу-

стили, чтобы позвали его. Что я хочу поговорить с ним.

Но меня никто не слышал. Мне лишь приносили еду и воду. В доме царил хаос из-за исчезновения Эрдэнэ, а я... я столько всего пропустила, я столько всего потеряла. Я до безумия хотела увидеть моих детей и рассказать ЕМУ, что вспомнила, что безумно хочу, чтобы все вернулось.

Он пришел ночью... И для меня эта встреча была еще одной первой. Потому что теперь я знала, кто я, потому что я вся была соткана из своей дикой любви к этому монстру. Вошел в комнату, и мне захотелось громко заорать. Так громко, чтобы все эти стены пошли трещинами, а окна разлетелись на осколки, но вместо этого я лишь широко приоткрыла рот, хватая им раскаленный воздух, а сердце так отчаянно забилося, что мне казалось, я сейчас задохнусь.

Смотрела на него бесконечно долго, прислушиваясь к бешеному биению своего сердца, к невероятно оглушительному стуку в горле. Мне больно даже вздохнуть и отчаянно хочется завопить «ЭТО Я! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ ИНАЧЕ! ПРОШУ!».

Черные глаза Хана мрачно и тяжело смотрели на меня, прошивали адским холодом, кололи мое истрепанное и измученное воспоминаниями сердце. И ненависть в них, презрение ослепляли и доставляли невыносимые страдания.

Я не смогла совладать с собой, сделала шаг к нему, чувствуя, как слезы сдавливают горло, чувствуя, как немеют руки и ноги, и как тяжело мне сделать даже один маленький

шажок навстречу. Теперь я вижу его иными глазами. Замечая каждый штрих, замечая, насколько он изменился за это время. Эти седые пряди волос, эти морщинки в уголках глаз, мешки и провалины черного цвета. Любимый...страдает от бессонницы. Что с тобой произошло?

Его черная рубашка распахнута на груди, и мне виден ужасающий шрам с рваными краями.

Я бы начертила все его шрамы, как карту нашей с ним любви, на листочке. И не ошиблась бы ни в одном из них... с ужасом замечая новые.

Хан смотрит на меня своим невыносимым взглядом, совершенно непроницаемым для меня. Он не шевелится. Застыл у двери. И эта тишина пугает, заставляет и меня замереть в страшном предчувствии. В понимании, что хорошего больше нет и не будет. Я слышу его и свое дыхание, оно рваное. Только мое рвется от невыплаканных слез, а его от ярости. Не выдержала и сделала несколько шагов к нему, остановилась напротив, пошатываясь. Сама не поняла, как протянула руку и коснулась кончиками пальцев его израненной груди. Дернулся всем телом. А меня затопило ослепительной волной счастья. Вот она любовь, выплеснулась золотыми волнами и поглотила все мое существо...Ведь когда любишь, помнишь только счастье, помнишь каждое мгновение всепоглощающей радости, каждый трепет рук, ресниц, каждую мурашку на теле.

Общее прошлое обжигаяще сильное, оно связывает на-

мертво, заставляя прорастать друг в друга окровавленными корнями испытанной боли... Только сейчас мне кажется, что я обвиваюсь вокруг раскаленного и покрытого ржавой колючей проволокой каменного столба. И каждая протянутая к нему ниточка сгорает заживо.

– Тамерлааан.

Простонала и сильнее схватилась за его плечи, подалась вперед, страстно прижалась щекой к его груди, чувствуя под губами неровные края первой буквы моего имени, и пошатнулась, падая в его руки...

Каменные пальцы сдавили мое тело, не давая упасть, а я льну к нему всем телом, я глажу его грудь, его щеки, его волосы. Меня всю трясет, как тогда, когда нашла его в подвалах Албасты. Как же это невыносимо прекрасно познавать его ладонями, вспоминать и осязать свои воспоминания. Взлетать все выше и выше, захлебываясь от восторга.

– Тамерлаан, – какой тихий и срывающийся у меня голос, – я так звала тебя, так звала. Ты пришел.

Всхлипнула и крепко обняла его за шею, стискивая пальцами до хруста в суставах. И ощутила, как его огромные ладони сдавили меня в ответ. Сильно, жадно. Так, что перед глазами потемнело. И я задыхаюсь от обрушившегося запаха его тела, его дыхания, всего, что являлось им, а значит, являлось мною. Мои пальцы гладят жесткие седые волосы, сжимают их, и я дрожу всем телом и чувствую, как дрожит он. Мои глаза жадно изучают его лицо, пожирая каждую чер-

точку, морщинку, царапину. Меня тянет к его губам и до боли хочется прижаться к ним своими губами.

– Я скучала по тебе...

В какой-то момент я ослеплена собственными эмоциями, чтобы понять, как напрягается мужское тело, как черствеют ладони, как они начинают давить мои ребра и яростно отрывают от себя.

– ХВАТИТ! – рявкнул так гневно, что у меня ухнуло сердце.

– Почему? – наивно и растерянно, пытаюсь поймать его вздох и ощущая, как впился мне в волосы и оттянул мою голову назад резким рывком.

– ХВАТИТ! Бл***дь! Прекрати эту гребаную игру сейчас же, или я убью тебя!

А я все равно тянусь к нему. Ведь это же мой Тамерлан. Он не причинит мне зла. Сейчас я скажу ему и...

– Я все знаю, Алтан!

– Ангаахай..., – шепчу и снова тянусь к его губам, но в эту секунду тяжелая ладонь опускается мне на рот в безжалостном ударе. Боль на секунду слепит, и во рту привкус соленого железа.

– НЕ смей даже произносить ЕЕ имя! Я все знаю, тварь! Мне все рассказали! Тыы...мразь. Молись, чтобы я сейчас не убил тебя.

Глава 2

Со слезами на глазах, не соображая, за что бьет. Ведь это я. Неужели он не видит по моим глазам? Не чувствует меня сердцем? И эта ненависть в его глазах ослепительно жесткая, колючая, острая, как лезвие опасной бритвы. И я режусь о ее края, чувствуя каждую грань презрения. И это невыносимо больно – осознавать, как сильно ненавидит тебя тот, кто так беззаветно любил.

Дергает к себе, удерживая за шею.

– Как же красиво тебя научили притворяться. Научили быть ею... Перекроили твое лицо и тело под нее... вот почему ты лежала в больнице, да, тварь? Тебя вылепливали по ее образу и подобию. Тебя создавали, чтобы ты сводила меня с ума.

Говорит и в то же время вытирает кровь, стекающую по моему подбородку. Говорит вкрадчиво и даже почти ласково. Но я знаю, что этот тон не сулит мне ничего хорошего. Хан зол, он не просто зол, его трясет от злости и ярости. И виновная для него только я. Он уже обвинил и вынес приговор. Ни одно мое слово ни в чем его не убедит. Но я еще этого не осознаю. Я сама вся, как раскрытая рана. Воспоминания, которые обрушились на мое сознание, вся моя любовь к нему лишила меня возможности думать, сделала слабой и уязвимой.

– Нееет...это же ложь...ложь. – плачу и цепляюсь за его руки, а он выдирает их из моих ладоней будто ему противны мои прикосновения.

– Ты есть ложь! – шипит мне в лицо. – Ты вся соткана из лжи. Даже твой голос, все в тебе лживое.

– Зачем мне лгать? – шепотом спрашиваю и не могу удержаться, чтобы не погладить его бородатую щеку, но он перехватывает мою руку за запястье и заводит мне за спину.

– За деньги. Сколько тебе заплатил Сансар за мою смерть? Ты ведь здесь для того, чтобы меня убить? Что они научили тебя делать? Отравить мою еду? Вонзить мне нож в сердце? Или..., – он смотрит в мои глаза и отрицательно качает головой, – Нееет...им это не нужно. Это ведь слишком просто. Тебя научили мне лгать и сводить меня с ума. Медленная смерть, что может быть лучше, да, Алтан?

– Я. я не Алтан!

– Ты! – вцепился в мое горло с такой силой, что мои глаза широко распахнулись, – Ты будешь тем, кем я скажу.

В этот момент мне удалось высвободиться из его цепкой ладони, и я хрипло простонала.

– Зачем...зачем мне тебя убивать, если ты уже мертв? Зачем...ты слеп, глух и ты...ты весь онемел, потому что не чувствуешь меня! Это же я! Твоя птичка! Посмотри на меня, посмотри мне в глаза! Я здесь, я... я вспомнила. Я люблю тебя, Тамерлан!

Схватила его за руку и прижала к своей груди.

– Здесь все еще есть ты!

В черных глазах блеснули слезы, и лицо исказила маска страдания, а потом рот оскалился в дикой злобе.

– Красивая попытка! – выламывая мне запястье, – Безумно красивая... – в черных глазах все еще блестят слезы, – Только я все знаю. Знаю, как ты просматривала видео с камер Албасты, изучала мои повадки, изучала ЕЕ слова... Я все, бл**дь знаю, понимаешь? И о том, что ты...ты, сука, была девкой Дьявола, тоже знаю. Ведь он должен был убить меня, отвечай? А потом ты не вытерпела и лечила своего любовника!

– О Боже! Что ты несешь? Какой Дьявол? О чем ты? Они внушили тебе все это...не я свожу тебя с ума, ты сам сходишь, сам!

– Кто они?

– Ннне знаю. Твои враги.

– А это? – ткнул мне в лицо бумагами, достав их из-за пазухи. Ткнул буквально вытирая меня ими, грубо впечатывая мне в лицо.

– Это тоже бред? ДВА ДОЛБАНЫХ ТЕСТА! И все, сука, все отрицательные! Зато...зато один положительный. С ее останками. С останками моей птички. Она мертва. А ты...ты – та мразь, которая хочет воспользоваться моим горем и влезть на ее место. Я говорил тебе, что ты никогда не станешь ею. Как бы не старалась.

– Сделай третий тест, прямо сейчас. Отвези материал

сам...или со мной вместе.

Взмолилась, заламывая руки.

– Зачем? Зачем мне это нужно? Или ты подкупишь кого-то в лабораториях? Мне хочется сдирать с тебя кожу живьем...но я потерплю. Пока что ты мне нужна.

Мне страшно и больно от его слов, и пол уходит из-под ног. Меня всю трясет от дикого ужаса и от понимания – мне не верят. Меня считают лживой подделкой и ничто теперь и никто не помогут мне заставить Хана поверить...

– Тамерлан!

– Хан! С этой секунды я для тебя Хан и твой господин. Смотреть только в пол и со всем соглашаться. Одно неверное движение, и я тебя уничтожу. Не забывай, что ты – никто!

Притянул к себе еще ближе.

– Сколько стоила твоя внешность? Что еще в тебе переделали, чтобы свести меня с ума. А твой...твой любовник, куда он тебя трахал. В зад? В рот? Или твою дырку зашили? Вот почему она была такой узкой? И зачем? Тебя легче было выдать за Ангаахай, если бы ты была не целкой. Зачем все это?

– Не знаю..., – ответила со слезами и облизала разбитые губы. – Я ничего не знаю. Мной играют против тебя. Меня используют...Она...она предлагала мне выкрасть бумаги, предлагала, а я отказалась. Она хотела, чтобы я убила тебя...это правда. Но я не стала...даже когда не помнила себя, все равно любила. Я отказалась и...

Расхохотался зло, надтреснуто. И мне стало жутко от этого смеха. Таким я его никогда не видела. Он больше не подходил на того человека, которого я знала. Это был чокнутый психопат с безумными глазами.

– Отказалась, чтобы сыграть в свою игру. Зачем тебе деньги Сансара, если можно получить все от меня! Я видел... и слышал все записи ваших разговоров. В моем доме работают камеры и жучки. Я всегда и все знаю!

– Все не так... все было не так! Позволь мне рассказать тебе! Тамерлан! Любимый!

Схватил за щеки и изо всех сил оттолкнул от себя так, что я врезалась в стену.

– Дать тебе возможность жалить, змея? Нет, ты будешь молчать и заговоришь тогда, когда я скажу.

– Заставь Цэцэг говорить! Заставь ее сказать правду!

– Цэцэг больше никогда не заговорит. Она лишилась языка и сослана прочь!

Я смотрела на него и глотала воздух, не веря, что это происходит на самом деле, не веря, что Тамерлан не узнает меня.

– А теперь я хочу, чтобы ты внимательно меня слушала. Одно неверное движение в этом доме, и я прикажу своим людям насиловать тебя часами при мне. Насиловать так долго, что ты начнешь харкать кровью и смерть покажется тебе раем.

Никогда я не слышала ничего более жуткого от него... Да, меня нет в его сердце. Там живет что угодно, но только не

любовь даже к мертвой ко мне. Хан никогда бы никому не позволил прикоснуться к своей птичке. Он бы убил ее сам... Только я для него не птичка, а исчадие ада, и кому-то это на руку. Кто-то постарался убедить его в этом.

– Вот теперь в твоих глазах появилось то, что надо. Теперь в них появился страх. Прекращаем играть, верно? Начинаем показывать истинное лицо.

Но он ошибается, я не боюсь его, мне страшно, что...мы умерли. Что нас с ним больше нет, и этот изможденный и обезумевший человек не любит меня...он забыл, что значит любовь.

– Я и Тархан...

Не дает сказать, сдавливая снова горло так, что у меня темнеет перед глазами.

– Ты и Тархан. Это я уже понял. Ты и Сансар. Это я тоже уже понял.

Отрицательно качаю головой, но сказать ничего не могу. Он не дает.

– Даааа, я все понял. Сложил гребаные дважды два и понял, что ты есть такое. И знаешь, страшно стало мне.

Царапаю его запястья, хватаю воздух губами, я буквально чувствую, как они синеют и хватка слабнет, а я шепчу:

– Нет...все было не так...нет. Найди...найди Шамая. Заставь его сказать правду. Это он...он и Сансар...это он тогда вытянул меня из шахты, он.

– Лживая сука! Из шахты никого нельзя было вытянуть!

– Можно... послушай, прошу тебя, умоляю. Там был ход, сбоку. Едва я спустилась и закрыли крышку, меня потянули вбок и закрыли мне рот чем-то едким, я отключилась, а лифт поехал вниз. Больше я ничего не помню... Спроси у Шамай. Это он. Это был он.

– Шамай мертв!

Я судорожно сглотнула и замерла.

– Они все мертвы. Шамай, его гребаная жена, их дочь, их бизнес. Я все похоронил под толстым слоем пепла. Можешь плакать... я таки убил твоих приемных родителей. Плачь или скажи мне спасибо.

По моим щекам катятся слезы, и не потому, что они погибли... эти лживые люди, которые ради денег играли для меня спектакль, я плачу, потому что трусливый Шамай был моей единственной надеждой, и он мог сказать Хану правду.

– А теперь... теперь говори мне, куда вы дели Эрдэнэ? Где ты спрятала мою дочь, тварь? Или что сотворила с ней! Если не скажешь, тебя будут пытаться!

Какие жуткие у него глаза. В них не осталось света, любви только мрак и мертвый холод, и мне кажется, что по моим щекам тоже катится лед. Он замораживает меня, заковывает мое сердце в безумный холод. И я не плачу, я замерзаю, я превращаюсь в камень рядом с ним. Даже когда... когда я думала, что он мертв, мне не было так больно, как сейчас. Как же так, Хан? Как же так? Я бы почувствовала тебя душой, я бы узнала тебя среди миллиона других с закрытыми глазами,

а ты...ты смотришь мне в глаза и не видишь. Как слепец, как глухонемой, как с ампутированным сердцем. Что там у тебя в груди? Черная дыра, кишашая червями? Где мой Хан? Что ты с ним сделал?

– Как ты мог подумать, что я причиню зло Эрдэнэ? Как?

– Ты причинила! Я знаю! Больше было некому! Ты это обговаривала с Дьяволом там...у Сансара? Ты говорила с ней? Как тебе удалось...как?

Сдавил мое лицо пальцами и наклонился ко мне так низко, что теперь его зрачки были в миллиметре от моих. Страшные, черные болота, в которых я тону, и мне до боли холодно.

– Нет... я просто помогла ему, забинтовала руку. Я не знаю, где Эрдэнэ! Если бы знала, я бы первая сказала тебе!

– Знаешь! – зашипел мне в лицо. – Знаешь и начнешь говорить! Я найду способ развязать тебе язык – например, его отрезать! Ты избавилась от нее, чтоб не мешала тебе обрабатывать меня? Чтобы отомстить за нападение кошки?

– Она...она не напала на меня! Кошка меня не тронула! Это...это хотела сказать тебе твоя дочь, когда ты прогнал ее. Она хотела сказать, что тигрица меня не тронула!

– Еще секунду, и разорвала бы на ошметки!

– Давай проверим! Я могу прямо сейчас войти к ним в клетку, и они меня не тронут!

– Именно так я и сделаю. Но позже. Отправлю тебя к ним на съедение, чтоб обглодали твои кости. Когда забудут твой

запах... Я знаю, как их заставили тебя принять. Им вместе с мясом приносили твои вещи. Я нашел там... в вольере твоё бельё, твои тряпки. Кто тебя надоумил? Дьявол! Ооо, он много знает про кошек. ОН как-то торговал ими. В доме есть предатель, и я узнаю, кто тебе помогает!

Говорит и толкает меня к стене, нажимая на плечи.

– Если носить зверю свежее мясо на протяжении нескольких дней вместе с тряпками, источающими запах чужого тела, он не тронет, и потому что не голоден, и потому что зверь умен и не нападает на того, кто его кормит! Он будет узнавать запах и ассоциировать с человеком, который его кормит!

Я отрицательно качала головой. Почему... почему у него так легко все сходится. Он находит тысячу доказательств тому, что это не я... и ни одного тому, чтобы допустить хотя бы малейшую возможность, что Ангаахай жива.

– Где... где вся твоя любовь, Тамер...

Глаза дьявольски блеснули, и я осеклась. Я больше не могу назвать его по имени. Настолько любимом имени, что я так назвала своего старшего сына. Мои сыновья... как я скучала по ним, как я хочу их увидеть! Но никто мне не даст к ним приблизиться. Даже если я начну ползать на коленях.

– Хан. Где она. Твоя любовь? Ты разве не чувствуешь больше, что подсказывает тебе твой разум?.. Неужели ты не допускаешь мысли, что тебя обманули, что этот тест ДНК ложь?

– И где она бы взяла еще одни такие же волосы, как у тебя?

– А где я возьму такие волосы, как у нее?

– Они...они похожи...но это не ее волосы! Или останки...кости, остатки одежды...те, что принадлежали моей жене – это ошибка? А ты со шрамами в тех местах, где их не было, и с отсутствием там, где были. Разве ты не плод стараний прекрасного пластического хирурга...Даже больше!

Рывкнул мне в лицо.

– Я нашел его и допросил! Он сказал, какую операцию сделал и как превратил тебя в нее! У меня даже есть фото «до». Твое гребаное фото «до». Хочешь, покажу?

– Нет! – всхлипнула и с ужасом поняла, что мне его не убедить...что я бьюсь о бетонную стену, я скорее разобьюсь в кровь, чем смогу заставить его меня услышать. Я в ловушке, я загнана на самое дно и мне оттуда не выбраться никогда.

– Куда вы дели мою дочь? Куда увезли Эрдэнэ? Скажи, и твоя участь будет не так печальна!

– Я бы никогда ее не тронула...никогда. Я не знаю, где Эрдэнэ, но я бы с радостью помогла ее найти!

Смотрит на меня с неверием, то в один глаз, то в другой, то на мои губы.

– Как талантливо сделана, как невероятно гениально соткана из ничего. И рука дрожит для наказания, и нож не поднимается, чтобы изуродовать...потому что больше видеть не смогу и сдохну, – словно сам себе, с искаженным до неузнаваемости лицом, – ...а ты и поможешь! Пойдешь к своему

любовнику и поговоришь с ним, а я послушаю.

– У меня нет любовника!

Впечатал меня всем телом в стену, так, что я ударилась головой, и в глазах потемнело.

– Не смей мне лгать! Просто делай то, что я сказал! Надо будет, отсосешь у него, чтобы он сказал, где спрятал мою дочь!

– Ты не сделаешь со мной этого... ты не заставишь меня!

Схватил за волосы и оттянул мою голову назад.

– Ты не знаешь, что я могу с тобой сделать, не представляешь, на что я способен. Я хочу найти свою дочь, я хочу, чтобы она вернулась домой, и, если для этого мне придётся подложить тебя под тысячу мужиков, я так и сделаю!

Пусть бы лучше сейчас ударил меня в солнечное сплетение, пусть бы сейчас разбил мне лицо, но только не говорил, что с легкостью отдаст кому-то. Это словно вогнать кинжал в самое сердце и провернуть там несколько раз.

– А ее? Ты бы отдал ее...? Ты бы смог видеть на ее теле руки другого мужчины?!

В отчаянии закричала, но он заглушил мой крик своим:

– Ты не она!

– Почему ты мне не веришь?

Буквально прорыдала и схватила его за воротник, сама приподнялась на носочки.

– Почему кому угодно, только не мне?

– Потому что у меня есть тысячу доказательств твоей лжи

и ни одного...правды.

Ответил и не удержался – погладил обе щеки ладонями, вытер кровь с подбородка.

– Ты вернешь мне дочь и тогда какое-то время останешься жива.

– Я не знаю, где Эрдэнэ! И я никогда не пойду к Дьяволу, и не лягу под него!

– Значит, ты сдохнешь с голода!

– Значит, сдохну с голода!

– Тебе не дадут ни воды, ни еды!

– Лучше сдохнуть, чем ко мне прикоснутся еще чьи-то руки!

– Как же красиво ты лжешь!

Глава 3

Сансар смотрел, как корчится от боли его любовник, как зажимает между зубами кляп, как дергается его тщедушное юношеское тело от каждого толчка искусственного члена, застегнутого на чреслах его господина.

Это ментальный оргазм... Бордж научился испытывать его уже давно и трястись от судорог так же, как и обычные мужчины. Самое адское удовольствие ему доставляли чьи-то крики боли, агонии... смерти. К сожалению, последнее удавалось увидеть не так уж часто.

Его накрывало ураганом, он закатывал глаза и трясся в экстазе, получая волны электричества по всему телу, иногда для этого нужно было тереть покрытую рубцами промежность. Кожаная повязка, сделанная по индивидуальному заказу со встроенным длинным и очень толстым искусственным, резиновым членом посередине, с отвисающей мощной мошонкой и продуцирующимся искусственным эякулятом, создавала нужное давление и трение, и когда Сансар трахал своих любовников, то и сам достигал пика удовольствия.

После скандала с несовершеннолетними Сансар начал искать тех, кому исполнилось восемнадцать. С лицами херувимов, с вьющимися светлыми волосами и огромными голубыми глазами. Они должны были быть похожими на того... самого первого, которого Сансар изнасиловал, за что и

лишился члена. Потом, спустя годы, он обнаружил, что отсутствие органа не мешает ему испытывать удовлетворение. Не от мастурбации, как таковой, а от стимуляции промежности и визуального возбуждения. И пробуждают это наслаждение светловолосые мальчики, которые пищат и корчатся под ним от боли, когда огромный член долбится в их рты или анусы на бешеной скорости и извергается искусственной спермой в момент наивысшего удовольствия Борджа, после нажатия кнопки на правом бедре, при этом сам Бордж получает мощную вибрацию между ног.

Недавно он купил себе новую игрушку...Соблазнительного блондина с голубыми глазами, хрупкого телосложения, с узкими бедрами и тонкими ногами. Сансар любил худеньких юношей, тогда они кажутся младше. Теперь он осатанело пользовал своего любовника столько, сколько хотелось. Если тот вытерпит и выживет, его оскоят и оставят в цирке. Будет петь в хоре. Все мальчики Сансара непременно должны были петь, у них должны были быть голоса, как у Лорентино Роберти (имя нарочно изменено). У Борджа было около дюжины таких Лорентинов.

А если сломается – пойдет на корм рыбам. Сансар никогда их не отпускал. Они принадлежали ему навечно – их тела и их души. Никто другой больше не мог к ним прикоснуться. Он называл их своими ангелами и даже потом нежно заботился о них...иногда мог взять на время к себе и даже заниматься с ними сексом, но гораздо больше его возбужда-

ли невинные херувимчики с маленькими, аккуратными половыми органами. Сансар любил их лапать, иногда даже брал в рот, если игрушка очень сильно нравилась. Они кончали, а он их за это наказывал, любуясь тем, как сладко они плачут, когда ремень полосует их худые задницы.

Когда волны наслаждения стихли, Бордж грубо пнул своего любовника с постели, и тот, согнувшись пополам выбежал голый из спальни. Приближенный слуга снял с господина искусственный пенис, обтер чресла влажными салфетками, одел Сансара в пышные шаровары и рубаху, поверх них набросил расшитый золотом халат.

— ОНА велела передать, что ждет вас, мой господин. Сказала, что у нее есть одна невероятная идея, и она вам понравится.

Бордж взвился от предвкушения, и сердце быстро забилось.

— Доложи ЕЙ, что я буду через полчаса. Пусть ждет.

— Да, мой господин.

Какое-то время он лежал на спине с прикрытыми глазами, испытывая эйфорию после бурного секса. На это время из его мыслей улетучился проклятый Дугур-Намаев младший, который пока что держался на плаву. Начал заключать контракты за его спиной...Ничего, он не знает, что все давно предусмотрено и куплено, и парочка сделок не смогут ничего изменить в крушении империи Дугур-Намаевых.

Но Сансар не позволит ему и дальше портить все планы,

особенно тот, в который он вложил столько денег и времени. План мести... Он бы никогда не придумал его сам. Это все ОНА.

Она всегда имела изощренный ум и была его правой рукой во всем, пока не погрязла в своих низменных желаниях и не дала слабину, и ему не пришлось вытаскивать ее из дерьма, а потом возиться с ней месяцами, вытаскивая с того света. И стоило это тоже очень круглую сумму, а Сансар не любил непредвиденных расходов. Он считал каждую копейку и слыл очень алчным человеком.

Людей в своем цирке кормил просроченными продуктами, купленными по дешевке в супермаркетах и магазинах. Если кто-то травился – отправлял своего врача, и тот разбирался с больным самыми дешевыми методами – промыванием желудка. На большее Сансар редко раскошеливался. Если кто-то получал серьезную травму – его просто вышвыривали из цирка... Если, конечно, уродец не представлял огромной ценности для программы. Но незаменимых не бывает. Так всегда говорила ОНА. Найти замену легко. Было бы желание и связи. У нее всегда было и то, и другое.

Сансар отбирал актеров в труппу во всех уголках планеты. Безногих, безруких, слепых, волосатых, сиамских близнецов, великанов с деформированными грудными клетками, бородатых женщин, гермафродитов, горбунов и карликов. Отбросы общества, живущие на нищенские пособия, а иногда и побирающиеся на улице – в цирке получали возмож-

ность зажить новой жизнью. Иногда весьма короткой, но уж точно не голодной. Они называли Сансара своим благодетелем и были ему преданы...страх всегда делает плебеев верными. А их держали в вечном страхе. Никто не хотел быть вышвырнутым на улицу или пойти на дно реки с камнем на шее.

С тех пор, как ОНА начала ставить программу, цирк вышел на новый уровень и приносил очень много денег. Пожалуй, стал вторым после дохода от продажи золота. Актеры играли не только в цирковых программах, но снимались в фильмах запрещенных категорий, которые продавались через даркнет за огромные деньги.

Все извращенцы мира готовы были платить круглые суммы за разыгранные для них представления с самым разным финалом и на любой вкус.

Сансар встал с постели, разминая тучное тело и поворачивая маленькую голову в разные стороны. Секс – это, конечно, круто, но такая активность утомляет. От игрушки надо отдохнуть. Взять пару недель отдыха, заняться йогой, очистить разум от мыслей. Раз в полгода он устраивал себе воздержание от плотских утех... а потом с новыми силами, голодом набрасывался на свои любимые игрушки, пока снова не уставал от них, не пресыщался вседозволенностью.

Он бы с удовольствием сейчас поспал, но ЕЙ пришла очередная гениальная идея в голову, и она спешила ею поделиться. А когда ЕЙ приходят идеи, то их лучше выслушать.

Потому что Бордж обожал ее извращенную фантазию.

Он распахнул дверь спальни, и в нос ударил запах ладана. Она опять жгла церковные свечи и исполняла свои сатанинские ритуалы. Но ей можно было буквально все...

Сансар вошел внутрь помещения, завешенного длинными портьерами из тончайшей красной органзы, раздвинул их в разные стороны, оглядываясь по сторонам в поисках хозяйки комнаты.

И громко позвал ее по имени...

Глава 4

Она расположилась на подушках с мундштуком в ярко-красных губах. Свет падал на ее лицо с левой стороны, скрывая уродливые длинные шрамы от когтей и клыков тигров на правой щеке. Но Сансар знал, насколько изуродовано ее лицо. Глаз вытек, и веко приспустилось вниз, закрывая пустую глазницу, нос повело в сторону, угол губ приподнят вверх в вечном злобном оскале, открывая сбоку зубы. Обычно она носит на глазу черную повязку, но не всегда. Бывают дни, когда мадам Смерть (так прозвал ее Сансар) предпочитает показываться всем в своей истинной красе, наслаждаясь реакцией на ее уродство, шокируя гостей.

Да, к ней приходили гости. Она вела на удивление активный образ жизни и даже зарабатывала деньги...гаданием и магией. Большие деньги. Ведь Сансар поставлял ей богатейших клиенток и клиентов, посетителей цирка. Он не знал, шарлатанка она или, правда, умеет предсказывать судьбу. Ему было наплевать. Ее боялись, ее уважали, к ней приходили и ей платили. Иногда она устраивала сеансы прямо в цирке. Выбирала себе «жертву» из зрителей и рассказывала ее будущее. В какой-то мере Борджу льстило, что такая женщина целиком и полностью зависит от него. Потому что только он знает, кто она такая на самом деле, кто ее муж и за что она поплатилась жизнью. Для всех она умерла, иначе ее

ждало бы очень много неприятностей. Сансар дал ей крышу над головой и надежный тыл.

Он любил благодетельствовать. Оказывать покровительство. Ему нравилось с высоты своего трона давать подачки и собирать вокруг себя тех, кто ему чем-то обязан. И чем больше обязан, тем лучше. Значит потом можно требовать различного рода услуги взамен.

И уродливая ведьма входит в число должников Борджа. Пластические хирурги были бессильны против когтей и зубов хищника. Врачи сделали что могли, сшили правую часть лица по лоскуткам, и на мадам Смерть теперь можно было смотреть. Пусть не без содрогания, но не захлебываясь от ужаса.

Он вспомнил, как привез ее в свой дом...привез после того, как в ее больной и безумной голове родился план мести Дугур-Намаеву младшему. Охрененный план мести, который безумно понравился Сансару.

– Я хочу свести его с ума. Я хочу его заставить умываться кровью...Но ничто настолько не сломает этого ублюдка, как ЕЕ смерть.

– Чья?

Сансар тогда потягивал коктейль из широкого бокала и смотрел, как два восемнадцатилетних подростка, чьи тела щедро натерты золотой краской, извиваются на небольшой сцене и трутся друг о друга голыми, бронзовыми ягодицами и гениталиями. Прикидывал, кого из них он поставит на ко-

лени первым.

– Его сучки...русской шлюхи, которую он купил для себя у какого-то ублюдошного актеришки. А потом женился на ней. Помешанный на своей шалаве...он сойдет с ума, когда она сдохнет. Но...смерть – это слишком проссто. Смерть надо заслужить.

Ноздри изуродованного носа раздулись, и она наклонилась вперед, опираясь руками о столешницу, становясь похожей на паука с тонкими руками и ногами, затянутыми во все черное. Ее когти такого же красного цвета, как и помада, отливали кровавыми оттенками.

– Мы отнимем ее... а потом вернем. Но уже другую. Он будет с ума сходить от дежавю, он будет орать и корчиться от боли, когда увидит тот чистый лист, который мы ему подсунем. Он ее возненавидит и себя вместе с ней.

– Что ты несешь? Какой чистый лист? Где я тебе возьму такую же девку?

– Вначале... – глаза женщины засверкали в темноте сумасшедшим блеском, – она должна сдохнуть, и я придумала, как это сделать. Пусть пару лет помаринуется в собственной агонии, а потом мы ему ее вернем. Ты ведь никуда не торопишься, Бордж? Мечь – это блюдо, которое нужно подавать только холодным.

– Но два года – это слишком много...

– Хватит перебивать меня. Ты хотел идеальный, изощренный план мести, который свалит империю Дугур-Намаевых.

Неужели ты думал, это можно сделать за пару дней? Или ты хочешь просто им насолить? Не знала, что твои планы настолько ущербно малы!

– Говори! Что ты задумала?

Рывкнул в ярости, но она даже не вздрогнула. Та тварь никогда его не боялась.

– У меня есть немецкий врач...гипнолог. Он очистит память этой суки, он запрограммирует ее мозг, а твои костоправы отшлифуют ее тело. Мы даже восстановим ей целку. Чтобы окончательно свести его с ума. Оооо, я хочу увидеть его лицо, когда он встретит призрака своей жены и поймет, что это не она.

– Слишком сложные игры. Мне нужны результаты, а не партии в шахматы.

Возразил Сансар и, склонив голову к плечу, наблюдал, как один из парней ползает на четвереньках и выгибает спину так, что Борджу видно его округлый зад с аккуратной дырочкой, выкрашенной в ярко-золотой цвет.

– Прекрасная игра, которая дезориентирует противника, выведет полностью из строя. Мы уберем его ее руками. Заставим сливать нам информацию, документы, а потом она же его и пристрелит! Ооо. Это будет прекрасная месть...а потом мы вернем ей память и посмотрим, как она пустит пулю себе в лоб.

Только что-то пошло не так. В чем-то мадам Смерть просчиталась. Маленькая сучка, в которую было вложено столь-

ко денег и времени, отказалась убивать Хана, отказалась им помогать, отказалась воровать документы и доносить информацию.

«Я не думала, что полюблю его...»

Полюбит. Любовь, мать ее. Какая на хер любовь!

Он тогда чуть не задушил Цэцэг собственными руками.

– Ты обещала мне! Ты говорила, что она полностью обработана тобой!

– Я... я ошиблась. Она оказалась хитрее. Поняла, что так может иметь намного больше.

– Пошла вон, тупая курица! Чтоб я тебя не видел!

...

– Что скажешь теперь, Албаста? Когда все планы пошли прахом? Когда твоя русская сучка отказалась нам помогать и предала свою спасительницу Цэцэг?

Тонкие костлявые пальцы раскладывали пасьянс, в пепельнице дымилась сигарета, а в воздухе сохранился запах секса. Сансар чуял его за версту. Мадам Смерть развлекалась с кем-то из его цирковых актеров. Он закрывал на это глаза. Пусть делает что хочет, пока помогает ему в делах.

– Цэцэг должна поплатиться, как и они все. Ее время пришло. Она нам больше не нужна.

И положила карту с нарисованной толстой жабой в круг из других карт.

– Интересно, когда Хан поймет, что она с ним играла в свои тупые игры, как он с ней поступит? Ставлю на то, что

ей отрежут язык, а потом сошлют в какое-то захолустье. И это самое лучшее, что ее ждет.

Резко повернулась к Сансару.

– Мы подставим их обоих. Из одной сделаем лживую тварь, а из другой ту, кто эту тварь привела к нему в дом. Мне нужны подставные люди. Те, кто будут давать ему признания. Нужен врач, нужны твои люди в генетической лаборатории. Но...это еще не все. Вначале мы его очень больно ужалим и отберем кое-что из того, что он очень сильно любит. Пусть понервничает и начнет делать ошибки. А мы пополним ряды твоих актеров-уродцев самой Дугур-Намаевой младшей. Безногой балериной. Заставим танцевать на нашей сцене и развлекать твоих гостей.

И расхохоталась своим огромным красным ртом, заставив Сансара вздрогнуть от неприятных ощущений.

– Пусть Хан считает, что это его так называемая жена вместе с братом похитили девчонку, пусть сгорит от ревности, от боли, от безысходности.

– Тогда он просто ее убьет!

– Не убьет. Она слишком на нее похожа. Он уже попался на крюк, он уже висит на нем и харкает кровью. Оооо, я это чувствую всем нутром. Чувствую его боль. Не убьет. Оставит рядом и будет мучить и ее, и себя. И пока он настолько слаб, ты можешь начинать копать под него. Когда товар отправится в Европу?

Сансар с восхищением и неким страхом смотрел на эту

женщину, на это исчадие ада. И его накрывало возбуждением. Он буквально ощущал, какую боль причинит своему врагу, и возбуждался от этой мысли.

– Через несколько месяцев.

– К этому времени Хан должен быть занят поисками дочери и мучительными отношениями с псевдо-женой. Только так тебе удастся увести товар у него из-под носа. Ты должен разорить Дугур-Намаевых. Я хочу, чтобы они все плясали в твоём цирке!

И расхохоталась, запрокинув голову так, что теперь Борджу была видна только уродливая сторона...Его невольно за-тошнило от гадливости.

* * *

Столько, сколько я плакала за эти дни, не плакала никогда, наверное, глаза мои превратились в красные щелочки, опухшие и разъеденные слезами. Потом слез не осталось, и я смотрела в одну точку. Раскачивалась из стороны в сторону и просто смотрела перед собой. Да, я знала, насколько жесток мой муж, но он не был никогда настолько жесток со мной. Даже в самом начале, когда брал меня молча, без согласия, он всегда относился ко мне со своей специфической, грубой заботой... я поэтому и полюбила этого зверя, потому что видела его любовь ко мне. А теперь от той любви и следа не осталось. Одна ненависть, презрение, злость. Как будто чья-

то адская насмешка. Судьба вознесла меня на пьедестал, я была на троне рядом с самым любимым и ласковым любовником на земле, а оказалась в вонючей грязи, совершенно одна. И мой тюремщик, мой палач, это тот, кто когда-то любил меня.

И мне невыносимо больно, я не справляюсь, у меня не хватает ресурса вытерпеть его ненависть. Наверное, я растратила все свои силы, когда ждала, искала его, когда верила, что все наши кошмары уже позади. А теперь у меня нет ни одного союзника, нет никого, кто мог бы заступиться за меня, никого, кто хотел бы мне помочь. Я оказалась один на один с обезумевшим Ханом и в тщетных попытках достучаться до его разума. Да и это больше не он. Одна оболочка...внутри не осталось моего любимого Тамерлана. Он похоронил себя вместе со мной и не хочет воскресать. Вместо него осталось жуткое чудовище без души и без сердца.

Как я смирюсь с этим? Как я смогу жить, видя эту ненависть в глазах, видя этот смертный приговор. Вначале я не поверила, что он так и поступит со мной. Не поверила, что запрет в комнате без еды и воды. Мне все еще казалось, что вот сейчас или немножко позже все изменится. Он меня узнает. Почувствует, и все прекратится. Прозреет, очнется от своего ледяного сна.

Но я горько ошиблась. Все только начиналось. Все мои страдания, испытанные до этого, ерунда, пустяки в сравнении с тем адом, который начался сейчас. И я больше не знаю,

что со мной будет завтра. Я стою под поднятой гильотиной, с опущенной головой, стою на коленях и жду, когда лезвие опустится и отрежет мне голову. И я знаю...это лишь вопрос времени. Оно опустится. Он слишком ослеплен ненавистью, ревностью. Болью. Он меня не пощадит. Не пощадит Дину...она для него – лживая сука, гадина, которая посмела притворяться его женой, и никто не докажет ему обратного...Только моя смерть и то, если захочет опять сверять ДНК. Но я не могу умереть. Не сейчас. Не тогда, когда Эрдэнэ исчезла, а мои мальчики совсем одни. У них теперь нет ни отца, ни матери, ни сестры. Я обязана жить ради них, вытерпеть, что-то придумать и вытерпеть.

Из окна моей комнаты мне видно, как Хан каждое утро выходит на тренировку. Как эта груда мышц, железная машина смерти тренируется, рассекая воздух руками и ногами, переворачиваясь в немыслимых сальто и подпрыгивая в невероятно высоких прыжках. Неужели не думает обо мне, запертой без капли воды, сходящей с ума от жажды, или ему доставляет радость меня мучить?

Ответом был его взгляд. Когда посмотрел на окна и выпрямился во весь рост. Эти мрачные глаза взирают исподлобья, кулаки сжаты так, что жгуты мышц выступают из-под кожи. Посмотрел и отвернулся, силой ударяя невидимого противника...

Эти дни были жуткими. Я никогда не думала, что жажда настолько безжалостна, она начала меня сводить с ума на-

много раньше и сильнее, чем голод. Уже в первые сутки к вечеру мое горло горело, как будто в него насыпали песок. А утром я не могла даже проглотить слюну. Ее попросту не было. Она стала липкой и тягучей, как комок.

Я помню это страшное состояние по часам. После полудня на начало вторых суток, казалось, что мой язык начал опухать, мне было необходимо сделать глоток воды и, как назло, из окна я видела озеро, слышала, как в нем плескаются лебеди. Отвлекали только мысли о детях, о том, что пройдет время, ОН поймет, что мне не в чем признаваться, и мои мучения окончатся. Уже к ночи у меня начала болеть голова. Вначале ненавязчиво, а потом все сильнее и сильнее, мешая уснуть, мешая даже думать, пока не начался звон в ушах, и уже ближе к утру, я ощутила, как немеют мои пальцы. Как быстро. Всего два дня... а я уже и на человека мало похожа, даже на ноги встать не могу. Как и закричать...только подползти к двери и начать стучать в нее изо всех сил.

С рассветом ко мне в комнату зашла женщина...это, наверное, Цэцэг...она вернулась?

Цэцэг...тварь, ядовитая змея, которая думала вынудить меня предать моего мужа. Я помнила, с какого момента ко мне начали возвращаться воспоминания. Очень медленно. Как и раньше. Картинками. Навязчивыми галлюцинациями, когда я шаталась от головной боли и не могла открыть глаза, а перед ними проносились образы. Она позвала меня поздно вечером в сад, увела далеко в лабиринты, где нас никто не

мог слышать под видом экскурсии по диковинному месту.

– Ты должна начать действовать, Дина.

– Действовать?

– Да. Пришло время, когда ты можешь отплатить Хану, а потом я помогу тебе сбежать, помогу уехать далеко в Монголию и спрячу тебя там. Ты уничтожишь Хана, и никто тебя не найдет.

– А моя семья? Что будет с ними?

– Они тоже уедут. Я была там сегодня, и мы этот момент обсудили. Послушай. Просто действуй, как я скажу.

Ее глаза лихорадочно блеснули, и она оглядывалась по сторонам, всматриваясь в полумрак.

– Завтра он уедет из дома по делам, а ты проникнешь в его тайник.

– Какой тайник?

– В вашей спальне, за спинкой кровати есть тайник. Но ты не сможешь его открыть без ключа... ключ Хан носит в своем бумажнике. Когда он будет спать, укради его. Он все равно не заметит. И в его отсутствие откроешь тайник и возьмешь оттуда документы.

– Я... я не могу этого сделать.

Мысль о том, чтобы украсть что-то у НЕГО, казалась мне кощунственной, вызвала протест. Эти последние дни он был мягок со мной, если так можно вообще сказать о Хане.

– Почему? Что за глупости? Конечно, можешь. Ты ближе всех к Хану и единственная, кто имеет доступ к тайнику в

любое время суток.

– Если...если он узнает, он убьёт меня! Что в тех документах? Зачем они нужны прямо сейчас?

– Кощеева смерть! В тех документах крах всей империи Дугур-Намаевых. Получим их и сможем лишить его большей части денег! Не переживай, ты свою долю получишь. А он..., – Цэцэг снова осмотрелась по сторонам, – когда он вернется, соблазнишь его, а потом подсыплешь в питье вот это.

Она протянула мне маленький пузырек.

– Это убьёт его мгновенно. Пару глотков, и он будет мертв. Я прикрою тебя. Никто не узнает, от чего он умер. Яд вызовет кровоизлияние, и это и будет официальной причиной смерти. А ты к тому времени, как проведут вскрытие, будешь уже далеко...

Пока она говорила, я вдруг увидела перед глазами саму себя...стоящую на коленях, с залитым слезами лицом. Я кричу от дикой боли, кричу как в агонии и падаю на пол...мне больно, потому что я думаю, что он мертв...точнее, я не хочу в это верить. И эта боль настолько оглушительно сильна, что даже сейчас я пошатнулась и с ужасом посмотрела на Цэцэг.

– Я не могу...я...не могу его убить.

– Можешь. Он ведь может угрожать твоей семье, поверь, он бы прикончил тебя не задумываясь. Бери!

Ткнула пузырек мне в руку, но я, отрицательно качая головой, протянула его обратно.

– Я... я не буду этого делать, не буду.

Изо всех сил качая головой и отмахиваясь от нее дрожащими руками.

– Что значит не будешь? Ты в своем уме? Мы это сто раз обсуждали! Будешь! Вначале выкрадешь ключ, а потом отравишь этого ублюдка!

Я не верила, что она говорит мне это...она же его тетя, она же его родня.

– Ублюдок? Он же...он же ваш племянник. Родной. Ваша кровь. Как вы можете убить его? Как можете так хладнокровно говорить об этом? Вы в своем уме?!

– Да! Я в своем уме! Он мне никто. Этот выб***ок инцеста мне не родня. Позорище. Бери яд и сделай то, о чем договаривались.

– Нет! – сказала отчетливо и швырнула пузырек на землю, – Ни о чем я с вами не договаривалась. Я не стану воровать ключ, не стану убивать. Я не убийца и не воровка!

– Ты..., – она сделала несколько шагов ко мне, – ты что несешь, маленькая сучка? Я зачем все это делала, м? Зачем помогала тебе выжить, чтоб ты предала меня?

– Вы...мне не помогали. Вы выполняли ту работу, которую вам поручили. Я не стану убивать его, не стану!

– Станешь!

Она набросилась на меня с кулаками и схватила за волосы. От неожиданности я чуть не упала. Цэцэг оказалась настолько сильной, что я не могла вырваться из ее хватки, как не

пыталась отпихнуть ее от себя, у меня не получалось. Жирные руки трясли меня и дергали за волосы изо всех сил.

– Станешь, тварь! Все сделаешь, как я скажу!

– НЕТ! Я не стану его убивать!

Вцепилась ногтями ей в лицо и изо всех сил оттолкнула от себя, шатаясь и отходя назад, готовая отбиваться, если снова нападет.

– Почему, черт тебя раздери? Почему? Он же монстр, па-
лач, убийца!

– Я...люблю его!

Закричала и с диким воплем упала на колени, закрывая голову руками, голову, которая разрывалась от адской боли в висках. И перед глазами могила... могила, которую женщина, так похожая на меня, запретила закапывать...я внутри нее, я в ее теле. Я и есть она сама. И я корчусь от боли утраты, я чувствую эту боль, я ее помню. Вот почему я все еще жива, вот почему я никогда не смогу убить – Я ЛЮБЛЮ ЕГО!

Распахнула воспалённые глаза, которые стали такими же сухими, как и мое горло, и поняла, что лежу на полу в своей комнате. У меня нет сил пошевелиться, мне тяжело дышать. Я слышу собственное прерывистое дыхание и пульс, бьющийся в висках. Неужели я умру здесь? Умру и так и не увижу Эрдэнэ и моих сыновей?

Дверь резко открылась, и я с трудом различила в полумраке черные мужские ботинки с грубой подошвой.

Глава 5

– Живая?

Приподняла голову с трудом, преодолевая головокружение и пытаюсь рассмотреть его лицо в мареве тумана. Едкая радость тут же сменилась разочарованием, потому что его взгляд обжигал холодом. Пробирает им до самых костей.

– Конечно, живая...

Наклонился ко мне с флягой воды, потряс ею так, чтобы я услышала, как она плещется в бутылке, и со стоном протянула руки, но он тут же поднял ее выше.

– Где моя дочь? И тогда ты получишь воду! Отвечай быстро и честно. Где вы ее с Дьяволом спрятали. Это же он ее выкрал? Только он мог увести ее из дома – она ему доверяла!

Отрицательно покачала головой. Отвечать не могла, мое горло превратилось в горящий от боли кусок мяса. Чтобы я начала говорить, он наклонился и приподнял мою голову, влил мне один глоток воды и тут же отнял флягу.

– Какая холодная, свежая вода, и вся эта фляга будет твоей, если просто скажешь мне, где Эрдэнэ! Всего лишь начнешь говорить и получишь эту проклятую воду и еду. Просто скажи мне, где она.

Снова качаю головой и в мольбе тяну руки к фляге. От жажды темнеет перед глазами, и больше ничего не хочу. Только пить. Только утолить жажду, только один глоток.

Вцепилась в его ноги, но он отшвырнул меня, как собачонку.

– ГДЕ! МОЯ! ДОЧЬ?!

Заорал, наклонившись ко мне, и когда я не ответила, начал медленно выливать воду на пол. Прохрипела:

– Нееееет!

Хватая струю руками, поднося пустые ладони ко рту.

– Отвечай!

Я молча смотрела на его искаженное злобой лицо, смотрела в глаза... не в силах громко закричать, во все горло, так, чтобы зазвенело в ушах, так, чтобы он оглох, чтобы у него лопнули вены. Как же я хотела броситься к нему, бить по груди, по щекам и кричать, орать, молить, чтобы эта пытка прекратилась, и он вернулся ко мне таким, каким я его любила. Пожалуйста. Пусть произойдет чудо. Пусть погаснет на секунду свет, и мой Тамерлан вернется ко мне.

Мне казалось, что больших мучений уже не вынести, что большей жестокости не испытать. Какая глупая, все еще верящая в то, что все может измениться, все еще с глупой надеждой на счастье. Человек ведь не может жить без надежды, не может перестать верить в лучшее, иначе жизнь теряет смысл. Нельзя отнимать самое зыбкое и самое дорогое – надежду, иначе можно сойти с ума. Вот что отличало нас с ним друг от друга. У меня всегда была надежда. Я всегда верила в него, в нас. А он... самое первое, что терял – это веру. А неверующему человеку бесполезно что-то доказывать, о чем-то молить, чего-то от него ждать. Неверующий уже в

аду...Как и Хан. Вот он рядом со мной, опустил меня в пучину боли и страданий, но разве я страдаю больше, чем он? Разве это я стою на коленях и молю о пощаде?

Мой ад только начинался. Хан накинул мне ошейник на горло и тащил меня в свое пекло насильно...А для меня самое жуткое – это его ненависть, самое жуткое – видеть его настолько чужим и каждый день лишаться крупницы надежды, приближаясь к тому самому аду, где вместе мы точно умрем.

Вылил всю воду и пошел к двери. Я закричала, на коленях поползла следом, хватаясь за его ноги.

– Не знаю..., – хрипела срывающимся голосом, – не знаю...не уходи...прошу, пожалуйста. Лучше убей...

Схватил на шиворот, резко поднял и пронес через всю комнату, чтобы швырнуть на кровать и вдавить в нее за горло.

– Убью...не сейчас, не сегодня, но обязательно убью. Когда станешь мне не нужна, когда осточертеешь настолько, что я захочу от тебя избавиться. А сейчас ты будешь мне подчиняться и делать все, что я пожелаю и прикажу. Ты хуже, чем мусор, и хуже пыли под моими ногами, и дышишь потому, что я так хочу.

Его образ расплывался перед глазами, и я с трудом держалась, чтобы не отключиться.

– Все...что прикажешь.

Повторила за ним и облизала сухим языком потрескавши-

еся губы.

– Если узнаю, что солгала насчет Эрдэнэ, я буду срезать с тебя куски кожи и скармливать тиграм живьем. Ты будешь смотреть, как они тебя медленно пожирают. Поняла?

Кивнула, а он сдавил мое горло сильнее.

– ПОНЯЛА?

– Да...

– А теперь тебе принесут пить и есть.

– Нет...

Всхлипнула и сдавила его руку своей ладонью.

– Не хочу...ты мне не веришь...лучше смерть.

– Верить? Тебе?

Расхохотался мне в лицо так громко, что я зажмурилась и закусила губы.

– Ты планировала меня убить, ты спала с моим братом, ты самое худшее и черное уродливое пятно в моей жизни, нужно было тебя удавить, едва увидел. Ты...грязное болото! Подделка...которую я пока что не хочу уничтожать. Запомни – пока что. И пока мне нужно, ты будешь жить, дышать и подчиняться мне.

Каждое слово как удар хлыста, как пощечины плеть, так, чтоб темнело в глазах от боли и не было сил даже вздохнуть.

– Сейчас поешь...придешь в себя, отправишься на скотный двор. Теперь твое место среди свиней, помоев и мусора. Когда мне будет надо, сопроводишь меня, куда я скажу. А сейчас я больше не хочу тебя видеть!

Разжал пальцы, и я медленно закрыла глаза.

— Когда-нибудь ты узнаешь правду... как ты простишь себя, Тамерлан?

Ударил со всей силы кулаком возле моей головы.

— Никогда больше не смей притворяться ею. Поняла? Никогда. Спектакль окончен. Ясно? Отвечай! Тебе ясно?

— Ясно, Тамерлан..., — мне все ясно, моя надежда корчит-ся в диких муках в предсмертной агонии, и я знаю, что скоро она может умереть, и тогда... тогда я не знаю, как мне жить дальше.

— Хан! Для тебя я всегда только Хан и твой хозяин! Мое имя тебе запрещено произносить! Никогда больше не произноси мое имя!

— И как... как я буду жить без твоего имени? — прошептала и ощутила, как по щекам скатились слезы. Как же адски хочется, чтобы его сочные губы прямо сейчас прижались к моим губам, и все закончилось, чтобы он спрятал мою голову на своей груди и баюкал меня, как ребенка, пока я рыдаю от самого жуткого кошмара в моей жизни.

— Как-нибудь проживешь... — ответил немного растерянно и посмотрел мне в глаза, а у меня внутри все разрывается от боли. У меня внутри кипятик обжигает легкие. Это сомнение в его глазах, эта вспыхнувшая волна боли, которая дает моей надежде поднять голову и посмотреть окровавленными глазами на того, кто режет ей вены и смотрит, как она корчится в агонии.

– Как жить без любви и надежды... как жить? Я... же люблю тебя... все еще люблю.

Всматривается в мои глаза, наклонившись ниже, вцепившись руками в покрывало и нависая надо мной адской тенью. А я из последних сил воюю с ним, я из последних сил держусь наплаву и не теряю сознание только потому, что его дыхание настолько близко.

– А Дьявола тоже любишь? Когда трахалась с ним, любила его?

– Никогда...

Едва слышно, но изо всех сил выдыхая ему в лицо.

– Никогда не любила или никогда не трахалась?

С ухмылкой спрашивает, и волнение исчезает из его глаз, они снова становятся черными безднами ледяного мрака.

– Никогда... не любила и никогда не была с ним...

Пока говорила, провел пальцами по моим щекам, вытирая слезы, поднес к своим губам и облизал их. Потом сдавил мои щеки пятерней, так, что заболели скулы.

– А ты прекрасная актриса. Подыхаешь и продолжаешь лгать. Красиво, виртуозно. Как будто знаешь, что именно я хотел бы услышать. Только ничего не выйдет больше... я знаю, как вы с ним задумали меня уничтожить, знаю, как работала на Сансара, знаю все, о чем сговорила с Цэцэг. У меня есть записи... твой голос вторит ее голосу, когда она говорит, как ненавидит меня, ты поддакиваешь ей. Сука! Как же прекрасно у тебя получается душить мне мозги!

Отшвырнул от себя на пол и быстрым шагом вышел из спальни. Сразу после него появилась та женщина, которую я видела раньше. Она принесла немного воды и несколько ложек каши.

– Тебе пока много пить нельзя. Смочи губы, съешь немного овсянки и иди за мной, если есть силы. Ты переезжаешь в другую часть дома.

Если любишь человека, то разлюбить его только потому, что он перестал быть таким как раньше, невозможно. Я знала, почему он стал таким, я чувствовала его боль, как свою собственную, и обвинить его в том, что он жесток к лживой поддельной жене, не могла.

Кто-то меня не поймет, кто-то осудит за то, что я продолжаю безумно любить этого человека. Но я не могу отвернуться от отца моих сыновей. Потому что сейчас он ранен... глубоко, смертельно ранен, и ему нужна не ненависть и война, а помощь.

Я смотрела на себя его глазами и понимала весь ужас той ситуации, в которой мы с ним оба оказались, и если я на своем месте, я знаю, кто я, я знаю, кто он, то мой Хан потерял смысл жизни. Из-за меня. Моя смерть его сломала, стерла с лица земли того человека, каким он стал со мной, и вернула прежнего – холодного, жуткого монстра, не знающего любви, не знающего ласки, живущего в вечной лжи и предательстве.

Я переживала за Эрдэнэ...не знаю, кто мог похитить де-

вочку и зачем. Я не верила в то, что она сбежала. В этом все пытались убедить Хана, даже полиция. Говорили, что с подростками так бывает, тем более он привел в дом женщину. Но Эрдэнэ не могла сбежать только по одной причине – она бы не оставила своих братьев мне. Мне, лжеАнгаахай. Никогда бы не доверила малышей кому-то. Я слишком хорошо знала свою приёмную дочь.

Меня провели на задний двор, там, в здании для обслуживающего персонала мне выделили комнату. Два на два метра с кроватью, тумбочкой и стулом. В этой комнате никто раньше не жил, здесь хранили предметы для уборки. Для меня ее благородно освободили и внесли старую кровать и старую мебель из чулана. Я знала, какие комнаты у слуг, и ту каморку, которую дали мне, с трудом можно назвать комнатой. Он хотел меня унижить и показать мне свое место. Ей...предательнице и лгунье. Мне страшно, что с ним будет, когда он узнает, как с нами поступили, как нас пытались разлучить, как нас окунули в самое адское пекло.

А мне не привыкать к работе, не привыкать к бедности и нужде. Мне хватит и овсяной каши с водой. Я не нуждаюсь в праздничных столах. Моя душа тоже в трауре – на моих глазах умирает любимый, и я ничем не могу ему помочь.

Ничто не происходит зря, ничто не случается просто так. Каждый этап дан нам, как урок, как наказание, как возможность научиться чему-то...пусть через боль и страдание.

Я стирала белье слугам. Да, этим тоже кто-то должен зани-

маться. И пока стиральные машины и сушильные были заняты вещами домочадцев, мне приходилось стирать вручную в большом медном корыте. Униформу служанки выдали в тот же день. Но не такую, в каких ходят по дому, а такую, какую носят чернорабочие, не вхожие в хозяйский дом. У слуг в доме была красивая шелковая национальная одежда. Мне всегда нравилось, как было принято, чтоб они одевались. Когда-то я сама заказывала пошив одежды у швеи. У других слуг был обязателен черный низ и белый верх. Мужчины носили брюки, женщины юбки по самые икры, накрахмаленные фартуки и свободные блузки с широкими рукавами. У всех одинаковые белые носки, черные туфли. Если на улице прохладно, то слуги носят свитера из черной шерсти и черные дутые куртки.

Сейчас стояло лето, было очень жарко. Солнце беспощадно припекало голову и лицо. Я собирала юбку и подтыкала ее концы за пояс, чтобы она не падала в таз и не намокала, закатывала рукава по самые плечи и натирала о стиральную доску огромные простыни и пододеяльники. Потом мне нужно было их полоскать во втором корыте. Спасибо Суму, он приносил мне воду из дома и помогал менять ее, сливая грязную. Сума – сын кухарки по имени Марве. Они не были монголами, и я не знала, откуда они приехали, потому что и Сума и Марве были глухонемыми и безграмотными, и я не могла с ними общаться, даже если бы они и говорили хоть на каком-то языке. Суме примерно лет восемнадцать на вид.

Он очень худой и высокий, но непомерно сильный и выносливый. Сума смотрит за конюшнями, кормит коров.

Мне оставалось прополоскать полотенца, и я безумно устала. День уже заканчивался. Скоро слуг будут кормить в столовой на заднем дворе. Но мне нельзя с ними. Меня кормят отдельно. Хан приказал, чтобы мой рацион состоял из овсянки и воды. После голодовки мне нельзя есть что-то другое.

Я услышала детские голоса, когда выкрутила последнее полотенце и положила в уже полный таз. Скоро Сума будет возвращаться с конюшен и поможет отнести белье к растянутым между кольями веревкам.

Кто-то громко смеялся детским голосом, и я только сейчас заметила, как в мою сторону бежит малыш в коротких шортиках, желтой футболочке, с черными волосами, собранными в пучок на макушке. Таз выпал из моих рук, и я замерла на месте. В мою сторону бежал маленький мальчик лет двух. Он смеялся, весело оглядывался назад, и его ножки перебирали по песку, и тот забивался в маленькие сандалики. В руках у малыша был воздушный шарик.

Оглянувшись назад еще раз, он споткнулся и упал навзничь на песок, и я тут же подбежала, чтобы поднять его дрожащими руками. С трудом сдерживаясь, чтобы не заорать, чтобы не завопить от безумной радости, от сумассводящего чувства, которое защемило внутри, словно с меня сдирали кожу там, где сердце. Это же мой сыночек... мой маленький

Галь. Мой сладкий малыш. Я помню его совсем крошечным, светленьким... но волосы потемнели... и он так вырос.

Шарик взмыл вверх, и я успела его схватить, прежде чем он улетел в небо. Я смотрела на малыша, а он на меня. Своими огромными голубыми глазами, так ясно выделявшимися на смуглом личике. У Дугур-Намаевых был обычай не стричь мальчиков до трех лет. Он тянулся еще с позапрошлого века, поэтому у Галя были роскошные кучерявые волосы, собранные вверху в пучок. Из него выбились непослушные пряди, и мне до боли хотелось погладить их и тронуть пальцами.

– Ты Галь, да? Галь?

Он смотрел на меня и молчал, потом протянул руку за шариком, и я присела перед ним на корточки, всматриваясь в личико с раскосыми глазками и вздернутой верхней губкой. Какой же он красивый, мой малыш. Я точно знаю, что это он. Мое сердце чувствует.

– Хочешь шарик?

Я ожидала, что мальчик кивнет и попросит, но этого не произошло, он снова протянул ручку, раскрыв ладошку звездочку. И я отдала ему шарик. Не выдержала, протянула руку и погладила его по волосам. Он продолжал смотреть... но не на меня, а куда-то в сторону, потом поднял в песке стеклышко, а я пожирала его взглядом и не могла насмотреться. Пусть эти мгновения длятся вечно... я увидела своего сына. Я наконец-то увидела своего малыша.

– Галь! Гааааль!

Молодая женщина в одежде для слуг бежала ко мне, держа за руку другого ребенка, постарше. И когда я его увидела, то чуть не разрыдалась в голос. Я узнала его – это мой Лан. Мой старший сын. Мое чудо, сердце мое. Нянька схватила Галя на руки очень грубо, и шарик улетел.

– Тебе нельзя говорить с детьми! Пошла прочь!

Крикнула мне и, спрятав плачущего малыша, потянула за собой Лана, который в отличие от младшего брата внимательно на меня смотрел. Мне захотелось броситься вслед, отобрать у нее ребенка, успокоить, прижать к себе. Мое сердце разрывалось от детского плача. Но я лишь стиснула руки в кулаки и молча проводила их взглядом.

Оказалось, что мои сыновья живут в пристройке Эрдэнэ, в нескольких метрах от бараков для прислуги. Это означало, что я смогу их видеть. Хотя бы издалека... и слезы градом полились по щекам. Ради этого можно было сдохнуть от усталости.

Глава 6

Эрдэнэ

Она сидела в одной из комнат, больше похожей на куб, без окон и дверей с довольно низким потолком. У стены свален в кучу старый реквизит. Маски, драные наряды, обломки хлыстов, поцарапанные ролики без передних колесиков, старые афиши.

«Цирк уродов Сансара. Вам и не снилось в самых страшных снах то, что с ними сделала природа, но они вам покажут каждый из своих ужасных недостатков. Они здесь, чтобы развеселить вас»

Пнула афишу, отбрасывая от себя подальше и посмотрела на миску с застывшей похлебкой. Она к ней даже не прикоснулась. Только воды выпила из пластиковой бутылки и спрятала ее за кучей мусора. Пока что ей не сказали, кто и зачем ее здесь держит...но надпись на афише была более чем красноречива, а Эрдэнэ была слишком умна, чтобы не понимать, как она подходит под данное обозначение. Урод. Именно такой она и считала себя с самого детства, и только один человек позволил ей поверить...что она прекрасна.

Значит, ее выкрали из дома, чтобы привезти в этот цирк. Тогда они все не знают, чем для них закончится это похищение. Когда отец поймет...и тут же сердце болезненно сжалось от мыслей об отце...Впервые появилось сомнение, что

он сможет ее найти, и она запретила себе так думать, она прикусила язык и ударила себя по губам. Ни одной гадкой мысли об отце. Он ее кумир, он ее господин, он самое дорогое, что у нее есть. Он и братья. И...была Ангаахай.

Маленькая, не сломанная девочка любила его всегда. Даже тогда, когда он отказывался от нее и не замечал, даже когда обходил ее пристройку стороной и запрещал ей появляться в доме. Любила, потому что по-другому не умела. Он ее отец. Родителей не выбирают. Она знала историю своего появления на свет, знала, что ее мать хотела убить ребенка, едва она родилась, и что отец не позволил ей этого сделать. Он забрал ее и растил. Как умел. Как мог. При всей ненависти к ее матери, которая так подло предала Тамерлана, он не уничтожил ребенка-инвалида, а признал своей и забрал в свой дом, а мог отречься, мог выбросить в сточную канаву. Зимбага не поскупилась на красноречивое описание и измены матери, и ее казни отцом. Это она рассказала ей всю историю жизни, начиная с рождения.

В какой-то мере это было честно и справедливо, а в какой-то – настолько чудовищно, что просто не укладывалось в детской голове. Как и за что...почему ребенку нужно рассказывать весь этот ужас. Но так лучше. Жить во лжи намного отвратительней, чем знать такую мерзкую правду. Будь Эрдэнэ на месте своего отца, она бы поступила с матерью точно так же и ни на секунду бы не засомневалась и не пожалела ее. Предательство не прощают. Дугур-Намаевы слишком горды,

чтобы уметь прощать. Они не дают второго шанса. Первого более чем достаточно.

Жизнь малышки изменилась лишь тогда, когда появилась белая лебедь. Красивая, нежная, ранимая. Лебедь, которая смогла научить их всех любить. И прежде всего она научила любить отца. Кто бы мог подумать, что белоснежной, золотоволосой девушке удастся заставить этого черствого человека изменить устои в доме, согнуться и разрешить маленькой птичке править в своем мрачном царстве.

Это Ангаахай толкнула их к друг другу. Отца и дочь. Это она заставила Хана посмотреть на безногую девочку, как на личность. Поверить в нее, дать шанс. Только при Ангаахай в жизни Эрдэнэ появились и другие члены семьи. Раньше ее никому не показывали, а теперь все изменилось. Эрдэнэ полноценный член семьи. С ее мнением считаются, слуги склоняют перед ней голову, и никто не смеет смотреть на нее как на неполноценную. Всего этого добились мама Вера.

Мир девочки разбился вдребезги, когда она узнала о смерти той, кого назвала матерью. Большей боли и большего горя она никогда не испытывала. Месяцами рыдала по ночам и ждала Верочку, звала ее и молилась богам, чтобы смерть оказалась обманом, и она вернулась к ним ко всем.

Но горевать не получалось...потому что остались братики. А братикам была нужна ласка и любовь, и девочка не могла позволить, чтобы про малышей забыли. Она сильная. Она Эрдэнэ Дугур-Намаева, и она сможет поставить сыновей

Ангаахай на ноги.

Дочка все простила отцу – и его безумное и адское горе, и его отстраненность, его полное равнодушие к ней и к сыновьям. Она стремилась понять и понимала, насколько плохо отцу, она ощущала его агонию каждой клеткой своего тела и прощала ему все... пока он страдал по Вере, самым сильным его союзником и поддержкой была Эрдэнэ. Она бы вытерпела что угодно и закрыла глаза. Но... только не то, что он сделал. Не то, что он привел в дом тварь, химеру. Подделку.

Привел и посмел смотреть на нее такими же глазами, как и на Ангаахай. Дочь не слепая. Она все видит. Ее не обмануть. И этот блеск в его глазах, и это безумие в черных зрачках, эту резкость и эти перемены. Он снова стал другим... выбрался из могилы, перестал пить...

И нет, Эрдэнэ за него не рада. Она эгоистично хочет, чтобы он страдал по Вере и не смел менять ее на этот суррогат. Не смел никогда любить кого-то еще. Одна мысль об этом доставляла ей страдания.

Когда ощутила, насколько он увлечен псевдоженой, решила уничтожить ее... нет ничего надежней, чем высшая справедливость. Зачем убивать. Природа сама убьет подделку, устранил этот недостаток и убожество, появившееся в их доме. Убожество, которое может протянуть руки к ее мальчикам. К обожаемым братьям, которые ей как сыновья. Она обоих выкормила сама по часам, она вынянчила и выкачала их на своих руках. Пела им песни и читала сказки. Никто не

отберет у нее малышей. ЭТА никогда к ним не прикоснется. Скорее сдохнет.

Но что-то пошло не так...и кошки не тронули лжеАнгаахай.

В ту ночь Эрдэнэ договорилаcь с одной из прислуг взять волосы из расчески любовницы отца, срезала прядочку волос у Галя и собиралась отвезти их в город следующим утром.

Но водитель доставил ее совсем в другое место. А значит у тех, кто схватили Эрдэнэ, есть свои люди в доме, и прислуга, та самая, что достала для Эрдэнэ волосы, либо сама донесла, либо кому-то рассказала.

В двери клацнул замок, и Эрдэнэ подняла голову, сжимая в руке ложку и готовая драться ею до последней капли крови, как учил ее тренер. Она умела убивать даже заколкой от волос, а ложка – прекрасное оружие.

Но, те, кто пришли ее забрать...их было четверо. Со всеми навыками Эрдэнэ она не справится с четырьмя. Чтобы они ее не тащили, она пошла вслед за ними сама, гордо подняв голову. Не хватало, чтоб Дугур-Намаеву волокли, как животное. Если кто-то жаждет ее унижения, то он сильно разочаруется. Она не даст повода для радости или злорадства.

Девушку завели в одну из комнат. Просторную. Увешанную красивыми красными портьерами из тонкой прозрачной ткани. На низком топчане, устланном темно-бордовыми по-

душками, возлежала женщина, с короткими черными волосами, ровной челкой и ярко-алыми губами. Эрдэнэ видела ее строгое лицо сбоку, и эта женщина даже казалась ей красивой. В тонких, очень длинных пальцах она сжимала сигарету, и та струйкой дымилась, поднимаясь разводами до самого потолка.

– Что вам от меня нужно? – спросила девушка и нагло посмотрела на гостью.

Та улыбнулась и сделала широкий жест рукой.

– Здравствуй, Эрдэнэ. Рада с тобой познакомиться.

– Кто вы такая?

– Твоя родная бабушка...

– У меня нет бабушки и никогда не было.

Ответила, гордо вздернув подбородок и стараясь не смотреть на низкий стол, уставленный роскошным ужином с морепродуктами, холодным квасом и нарезанными дольками дыни и арбуза, красиво украшенными ветками красного и зеленого винограда.

Она была голодна. До дрожи во всем теле, до судорог. Но и прекрасно понимала, что на это и рассчитано. На ее голод, на ее усталость и страх. Но эта женщина, кем бы она там не назвалась, сильно ошибается, если думает, что Эрдэнэ испугалась. Слишком много нужно, чтобы напугать маленькую девочку-воина, как ее называл отец на тренировках в те самые счастливые дни, когда Вера еще была с ними и смотрела за их поединками, поедая сладкую клубнику из плетеной

корзины.

– Ошибаешься. Есть. Я мать твоей матери. Матери, которую зверски убил твой так называемый отец. Матери, которую сварили живьем только за то, что она посмела полюбить и бежать от этого монстра. Она была красива, молода, полна планов и надежд. У нее была вся жизнь впереди, а этот нелюдь убил мою девочку.

Сказала с дрожью в голосе, и в очень узких глазах блеснули слезы. Но почему-то они не показались Эрдэнэ искренними, она ими не прониклась.

– Вы хотели сказать, что вы мать той шлюхи, которая изменяла моему отцу и решила избавиться от ребенка-инвалида? Об этой матери вы говорите? Или мы с вами все же говорим о разных людях?

Лицо красногубой женщины исказилось от злости, и она резко повернула голову, а Эрдэнэ не удержалась и отпрянула от ужаса в сторону, потому что обезображенная внешность кого угодно заставит испугаться. Какое ошибочное мнение, когда говорят, что внешность не отражает внутренний мир человека. Но только не в этот раз.

– Это тоже сделал он – изуродовал меня! Отдал на съедение тиграм! Приговорил к жуткой смерти!

– Думаю, было за что. Мой отец – справедливый человек. И если он приговорил вас к наказанию, я даже не сомневаюсь, что вы его заслужили.

Женщина грациозно встала с дивана и обошла Эрдэнэ со

всех сторон кругами. Она двигалась отрывисто, резкими шагами, и в то же время была некая грация в ее движениях. Каждый шаг напоминал прыжок хищницы.

– А ты дерзкая для маленькой, безногой, никому не нужной сиротки.

Вытянулась как струна и стиснула пальцы в кулаки. Ее не так-то просто задеть, особенно ее недостатком, который уже давно с помощью Веры перестал причинять боль и душевное беспокойство. Ведь девочка могла танцевать самые сложные «па» в балете, была прекрасно растянута и обладала природным талантом. Никто и никогда не смог бы сказать, что у нее на самом деле нет ног...

– При иных обстоятельствах за такие слова можно было бы лишиться зубов.

Сказала очень четко и посмотрела красноречиво прямо в раскосые черные глаза. Пусть знает, что ее никто не боится, пусть знает, что такими низкими приемами ее не задеть.

– Ведь когда человек теряет аргументы в диалоге, он начинает придираться к внешности собеседника, желая именно этим уколоть побольнее. Но на самом деле – это от слабости.

– В этом справедливость Дугур-Намаевых? Наказывать за правду?

Подошла к девочке вплотную и протянула руку, чтобы тронуть ее волосы, но та отшатнулась.

– А ты знаешь...ты очень похожа на мою дочь. Как две капли воды. Те же тонкие черты лица, тот же разрез глаз, те

же пухлые губы и остренький подбородок. Скажи...ты простила ему то, что много лет он прятал тебя, как чудовище, за семью замками и не показывал никому, кроме прислуги?

Кажется, она просмаковала каждое слово, сказанное Эрдэнэ. Показывая, насколько обо всем осведомлена.

– Это было решение моего отца, и никто не смеет его оспаривать.

– Справедливое решение – убрать с глаз долой ребенка с недостатком и притвориться будто его и вовсе нет. Так за что тебя наказал твой отец? В чем ты провинилась? В том, что родилась без ног? Чем он лучше своей жены, которая якобы хотела тебя уничтожить? Кто вообще сказал, что это правда? Твой отец, твой лживый дед, который много лет и слышать о тебе не желал, или ты сама так решила?

Она была по больному, резала по самому живому. Именно там, где пусть и затянулось, но все еще ныло, все еще кровоточило, если дернуть за корочку. И проклятая ведьма словно приставила к груди девочки свои красные когти и надавила там, где сердце, мягко погружая свои лапы в ее плоть. Вот-вот ухватит за само сердце.

– В чем вы пытаетесь меня убедить, и зачем вам это нужно?

Красногубая стала напротив Эрдэнэ и все же тронула ее волосы. Пропустила сквозь длинные, тонкие пальцы, рассмотрела под светом от ламп, словно любясь ими.

– Как шелк. Такие же длинные, шелковистые, выющиеся

пряди, как у моего солнышка, которое у меня так жестоко отняли. Ты представляешь, что означает боль матери, которую лишили ребенка и отобрали внучку?

Она могла бы поверить в ее слова, могла бы проникнуться так тоскливо звучащим голосом. Могла бы, если бы не была Эрдэнэ Дугур-Намаевой и не чуяла ложь и лицемерие за версту. А эта женщина была похожа на паучиху с длинными лапами, страшными глазами и ядовитым жалом. Она хочет отравить душу девочки и заставить поверить в то, что ее отец виновен. Заставляет начать сомневаться, заставляет ненавидеть свою семью и своих братиков.

– Могу представить и пожалеть ту женщину. Только, глядя на вас, мне кажется, что вы и та самая несчастная женщина далеко не один и тот же человек.

Резко отняла руку и посмотрела на девочку исподлобья, словно обожглась и не ожидала такого ответа.

– Значит, ты слепая и глухая. С тобой там обращались, как с отребьем, как с животным на привязи. Ты никогда не была ему нужна. Вначале он привел в дом эту русскую шлюху и нарожал с ней ублюдков, а потом...

Эрдэнэ сделала предостерегающий жест рукой... такой же, как делал ее отец, растопылив все пальцы и согнув в фалангах, как выпущенные когти дикой кошки.

– Замолчите! И никогда не смейте называть моих братьев ублюдками, а маму Веру шлюхой, иначе я лично выцарапаю вам глаза.

Подалась вперед и теперь смотрела прямо в лицо, так похожее на оскал самой смерти.

– Это не кровь Дугур-Намаевых в тебе так играет. Это моя кровь...мояаяя, – прошипела женщина и ухмыльнулась, – сколько силы, сколько агрессии. Кто бы мог подумать, что в маленьком звереныше столько мощи. Только направленной не туда, куда надо...Кого ты любишь, девочка? Пацанов, которые станут во главе этой семьи и насильно выдадут тебя замуж за какого-нибудь старика, лишь бы не мешалась под ногами, или запрут в доме, чтобы точно так же не показывать тебя людям? Или любишь своего отца? Спившегося тирана, который привел в свой дом еще одну тварь...усадил опять на пьедестал и молится ей, а потом родит еще с десятков наследников? Где здесь ты? В каком месте о тебе подумали? Уверена, что дед внесет тебя в свое завещание? А твой отец оставит тебе хотя бы тот сарай, в котором ты прожила всю жизнь? Ты...никому не нужная безногая дура!

Зашипела и впилась женщине в плечи. От невыносимой боли заныло в груди с такой силой, будто в сердце вонзили нож и несколько раз провернули. Эта ядовитая дрянь знала, куда побольнее ужалить, знала, в какую вену впустить свой яд, чтобы он выстрелил прямо в душу.

– Заткнись! Слышишь! Просто заткнись! Что тебе от меня нужно?

– Злость. Да, вот эта самая злость, от которой засверкали твои глаза и исказилось лицо. Отомсти им всем. Отомсти

своему отцу, той суке, которую он снова притащил на место твоей матери, своему выжившему из ума деду...Иди ко мне. Стань на мою сторону. Я богата, я имею власть и влияние. У меня больше никого нет кроме тебя. И как думаешь...кому я все отдам, когда соберусь на тот свет к праотцам? Тебе! Тебе – моей единственной плоти и крови! Но...мы можем приумножить наше состояние. Можем вместе сокрушить Дугур-Намаевых и занять их трон! Ты и я!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.